

Сделаны важные шаги в перспективном направлении

В.В. Журавлев, доктор исторических наук

Отрадно отметить, что второе заседание нашего семинара ознаменовалось серьезными подвижками на пути *предметного* осмысления тех проблем, ради которых семинар собственно и создавался. Катализатором этих подвижек и важным дискуссионным раздражителем, конечно же, послужил доклад С.С. Сулакшина, в котором четкость видения стоящих перед семинаром задач противоречиво сочетается с заостренностью на грани публицистики. К числу таких публицизмов я бы отнес утверждения докладчика в части того, что «российская гуманитарная наука, к сожалению, за исключением исключений — это не наука» и что «российский гуманитарий как черт ладана боится методов точных наук».

Думаю, что формулирование этих постулатов — не только дань органически присущих автору (в силу основной его профессиональной ориентации) элементов «математического фетишизма», но и следствие определенной отстраненности его от видения ряда сторон, характеризующих не только минусы, но и плюсы современной ситуации в отечественном общественном знании. Немалую роль, определившую такого рода авторскую позицию, мне представляется, сыграло и то обстоятельство, что наиболее точно, в приближенном виде его представления о *status quo* современного гуманитарного знания формировались на базе личного опыта приобщения к политологии — дисциплины весьма специфичной в составе гуманитарного цикла и делающей, собственно говоря, лишь начальные шаги на отечественной почве.

Говорю это отнюдь не ради сохранения «чести мундира», а в понимании того факта, что авторский пафос (целиком, кстати, разделяемый мною) в отношении важности и необходимости интеграции точного и гуманитарного знания в целях достижения практических задач модернизации структур и повышения эффективности функционирования системы государственного управления в нашей стране может обрести реальную почву лишь в том случае, если мы будем иметь максимально репрезентативное представление о действительных потенциях современной гуманитарной науки. Потенциях, чаще всего слабо или почти не реализуемых, но, тем не менее, имманентно ей принадлежащих и де-факто в ней наличествующих.

Будучи историком, не могу в этой связи не отметить, что в нашей науке уже достаточно давно сложилось целое направление в плане теоретического осмысления и практического применения не только количественных, но и достаточно широко понимаемых математических методов в познании прошлого. Достаточно назвать в этой связи труды таких историков как Л.В. Милов, Л.И. Бородкин, Б.Н. Миронов, Т.И. Славко, К.В. Хвостова, И.М. Гарскова, Б.В. Луков и В.М. Сергеев, а также ряда других. И, конечно же, исследования покойного ныне академика И.Д. Ковальченко как главы школы применения математических методов в исторических исследованиях.

Особенно значительными стали достижения в русле математического моделирования исторических явлений и процессов. Теоретически обоснованы и проверены исследовательской практикой возможности как формально-количественного, так и содержательно-качественного их анализа. На примере изучения аграрного строя России эпохи капитализма опробованы возможности структурно-измерительного моделирования, в том числе с применением факторного и регрессивного анализа. Выявлены потенции индуктивно-эмпирического отражательного моделирования при изучении общественно-идеологических явлений

(например, при анализе черт сознания крестьянства в эпоху революции 1905–1907 гг.), которые характеризуются не количественными, а атрибутивными (качественными) признаками. Была разработана и использована методика отражательно-измерительного моделирования как инструмента верификации гипотез. В ряде конкретных исследований проверены возможности и степень эффективности имитационного моделирования как метода гипотетической реконструкции исторической реальности, а также изучения альтернативных исторических ситуаций. Накоплен определенный опыт математического моделирования мышления исторических деятелей: Отто фон Бисмарка, а также в сопоставительном плане — Джона Ф. Кеннеди и Н.С. Хрущева на примере Карибского кризиса 1962 г.

Не редкостью в исторических исследованиях стало применение таких общенаучных методик, как структурный и функциональный анализы, вероятностный подход и математико-статистический анализ, модельный подход, многомерный подход и многомерный математический анализ, информационный подход и энтропийный анализ. Все эти и другие подходы и методы интегрируются продвинутыми учеными-историками в границах универсального системного подхода.

Историки достаточно давно осознали возможности и необходимость интеграции научного знания на базе взаимообмена и синтеза достижений в познании как смежных, так и далеких сегодня друг от друга областей реальной действительности. Вместе с тем, были выявлены и обстоятельства, препятствующие сближению гуманитарных наук, с одной стороны, точных и естественных — с другой, (обстоятельства, во многом непреодоленные по сей день), а также намечены магистральные пути выхода из сложившейся ситуации. Чтобы механизм интеграции мог действовать, подчеркивал И.Д. Ковальченко еще два десятилетия назад, «синтезируемые идеи, подходы, методы и понятийно-категориальный аппарат должны быть сводимы. Между тем,

даже в пределах одной науки в силу многообразия познаваемой реальности и разнообразия исследовательских задач и методов их решения такая сводимость затруднена. Для ее преодоления необходима *универсализация языка науки*, во-первых, и выработка *общенаучных и межпроблемных (или региональных, как их чаще называют) подходов и методов познания и соответствующего им понятийно-категориального аппарата*, во-вторых. Решение этих задач возможно лишь путем *абстрагирования и формализации*. Высшим же выражением абстрагирования и формализации, как известно, является *математизация научных исследований*¹.

Вместе с тем, убежден, что процессы интеграции наук нельзя рассматривать в плане полной унификации устоявшегося в каждой науке специфического теоретико-методологического и методического инструментария. Специфику эту нивелировать неразумно, ибо она диктуется особенностями предмета и объекта каждой науки. Заостряя и, соответственно, огрубляя проблему, можно сказать, что в социальных и политических процессах дважды два далеко не всегда означает четыре, плюсы могут не давать приращений, а минусы не обязательно содержать в себе потери. Так, в исторической науке ставить знак равенства между описательностью и вкусовщиной, как это делает докладчик, неправомерно. Нарратив — необходимый элемент любого исторического (и не только его) исследования. «...Следует учитывать, — подчеркивает в этой связи И.Д. Ковальченко, — что, несмотря на необходимость и неизбежность все более широкого распространения количественных методов в исторических исследованиях, никогда не будет потребности в том, чтобы все в историческом развитии было измерено и выражено количественно. Среди многообразных социальных функций исторической науки есть и такие, ко-

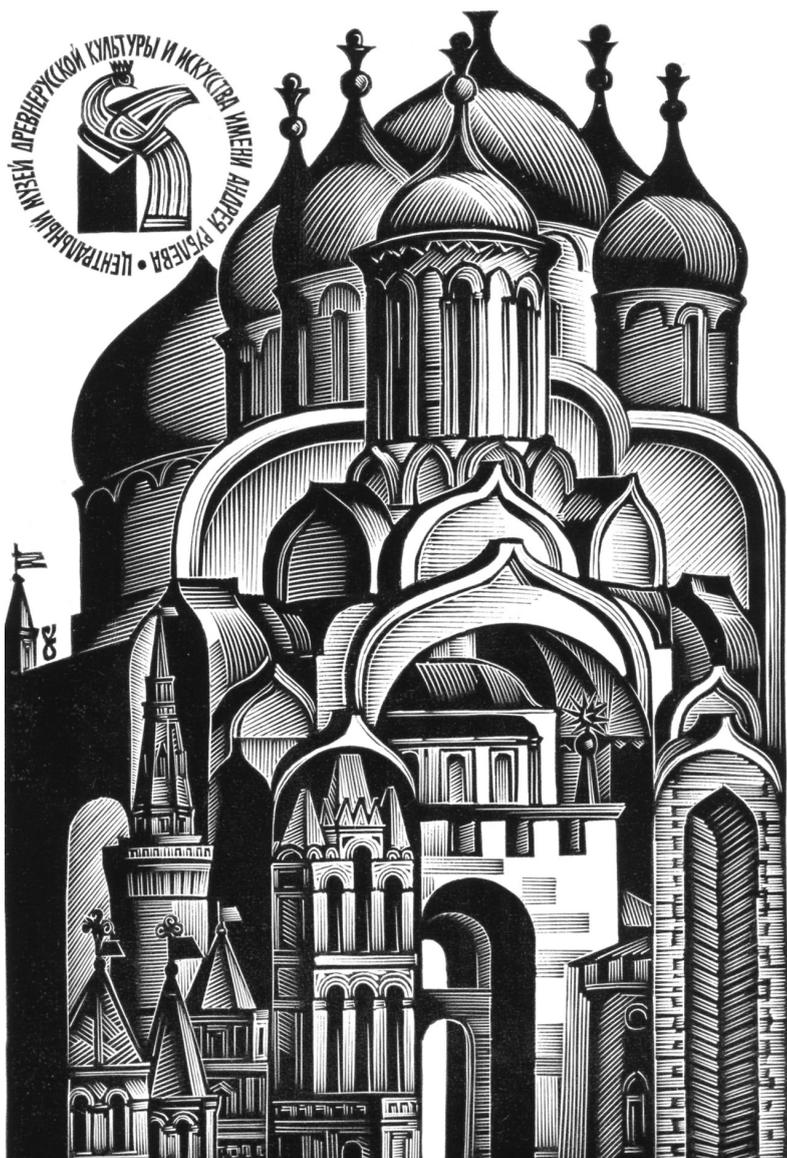
¹ Ковальченко И.Д. Методы исторического исследования. — М.: «Наука», 1987. С. 305.

торые наиболее эффективно могут быть выполнены на основе описательных (повествовательных) методов»².

Важным аспектом развернувшейся сегодня дискуссии стала проблема соотношения науки и идеологии, поставленная в докладе В.М. Межуева. Характеризуя их как «далеко разошедшиеся, институционально, функционально и содержательно не совпадающие между собой виды деятельности», докладчик, вместе с тем признал, что «каждый из этих видов по-своему необходим». А это, как мне представляется, означает, что гуманитарная наука не может делать вид, что она индифферентна по отношению к идеологическим проявлениям, не вправе просто отгородиться от процессов, происходящих на идеологическом поле. Особенно, если речь идет об идеологиях, так сказать, инструментального порядка, обслуживающих те или иные конкретные потребности государства и общества. Например, об идеологии экономической политики или идеологии реформ в данной С.С. Сулакшиным трактовке этого понятия как системы взглядов и ценностей, которая дает направление политике/реформе, наполняет ее вполне определенным внутренним содержанием, тесно скоординированным с запросами времени, а также позволяет идентифицировать реформируемую сферу, отграничив ее от других сфер социальной жизнедеятельности. Только наличие идеологии реформирования, как свидетельствует исторический опыт, заставляет и позволяет осуществлять реформы в комплексе, в системе, в рамках которой административные нововведения тесно связаны и скоррелированы с преобразованиями в других сферах общественной жизни и государственного строительства³.

² Там же. С. 313–314.

³ См. об этом, например: Сулакшин С.С. Идеология экономической политики России: проблемы, механизмы формирования, практики. — М.: Научный эксперт, 2005; Административные реформы в России: история и современность. — М.: «Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН)», 2006.

Москва.
Художник А.И. Калашников

Так что, если мы ищем пути и механизмы подключения гуманитарного знания к решению практических задач, стоящих перед государством и обществом, мы не должны шараться от понятия и явления, называемого «идеология». Ибо нельзя найти ни одной более или менее значительной социальной подвижки в мировой истории без предваряющего ее идеологического обеспечения. При этом важно различать идеологию в науке (идеологизированную науку) как нечто чужеродное собственно науке от использования возможностей науки для построения идеологических конструкций, мобилизующих общество на достижение определенных целей.

Плодотворной представляется мне высказанная в ходе дискуссии А.С. Ахиезером мысль о важности оперирования понятием «тип мышления» и обязанности (думаю, что прежде всего гражданской и моральной) гуманитарной науки формировать в обществе тип мышления, ориентированный на инновации. Данное замечание обозначает еще одно направление воздействия науки на общественную и государственную практику, ориентирующее нас на видение и учет *опосредованного* влияния науки на процессы миростроительства — через сферы образования, воспитания, научно-просветительской деятельности и т. д. В этой связи важное значение приобретает задача формирования *историзма мышления*.

Историзм мышления и действия, как мне уже приходилось не раз говорить и писать, выполняя важные социальные функции, играет в жизни каждого человека, а, следовательно, и человеческого сообщества, гораздо большую роль, чем это принято думать. Исторически ориентированный тип сознания, выросший на фундаменте знания и осмысления опыта прошлого, а также усвоения уроков этого опыта, незримо, но повседневно сопутствует человеку, во многом определяя характер и содержание его мыслей и поступков. Не только у каждого поколения, но — в идеале — у каждого сознательного человека должна быть *своя* история, свое, внутренне детерминированное понимание прошлого, которое помогает ему жить, формирует его социальные и жизненные координаты, мировоззрение,

систему нравственных и духовных ценностей, поведенческие принципы. Все это в совокупности способствует наиболее полному раскрытию индивидуальных потенций самореализации личности, определяет уровень и склад социального поведения данной личности. В этом и состоит главная социальная функция актуализации многовекового исторического опыта человечества и опыта своей страны. Реализация этой функции в конструктивном, а не в деструктивном, как сегодня это зачастую случается, ключе — в интересах здорового общества, здорового гражданина, члена этого общества. Владение навыками историзма мышления способно помочь и государственным мужам, предостерегая их от пагубности сложившейся практики наступать на одни и те же грабли при принятии важных для судеб государства и общества решений.

Подводя итог, следует сказать, что заслушанные нами сегодня доклады С.С. Сулакшина и В.М. Межуева знаменуют собой — каждый по-своему — важные и плодотворные шаги в русле продвижения к поставленным проблематикой семинара целям. Ярко выраженное дискуссионное начало, присутствующее в этих докладах, дает для нашей дальнейшей работы не меньше, чем то, что является бесспорным, аутентичным в их постановках и предложениях.

В ходе обсуждения доклада В.М. Межуева автором его была брошена реплика в том смысле, что научится эффективно управлять самоуправляемыми людьми (не лишая их при этом самоуправляемости и не ограничивая ее) — это пока недостижимая для мировой политической практики задача. Перед нами стоит проблема не менее сложная. А именно: выявить механизмы достижения интеграции гуманитарных, точных и естественных наук, направив их скоординированные усилия на решение практических задач, стоящих перед государством и обществом, не посягая при этом на самоуправляемость этих наук в части специфики выработанного каждой из них исследовательского инструментария.

Но кому, как ни науке, стремиться ставить и решать задачи, которые априори видятся нерешаемыми?